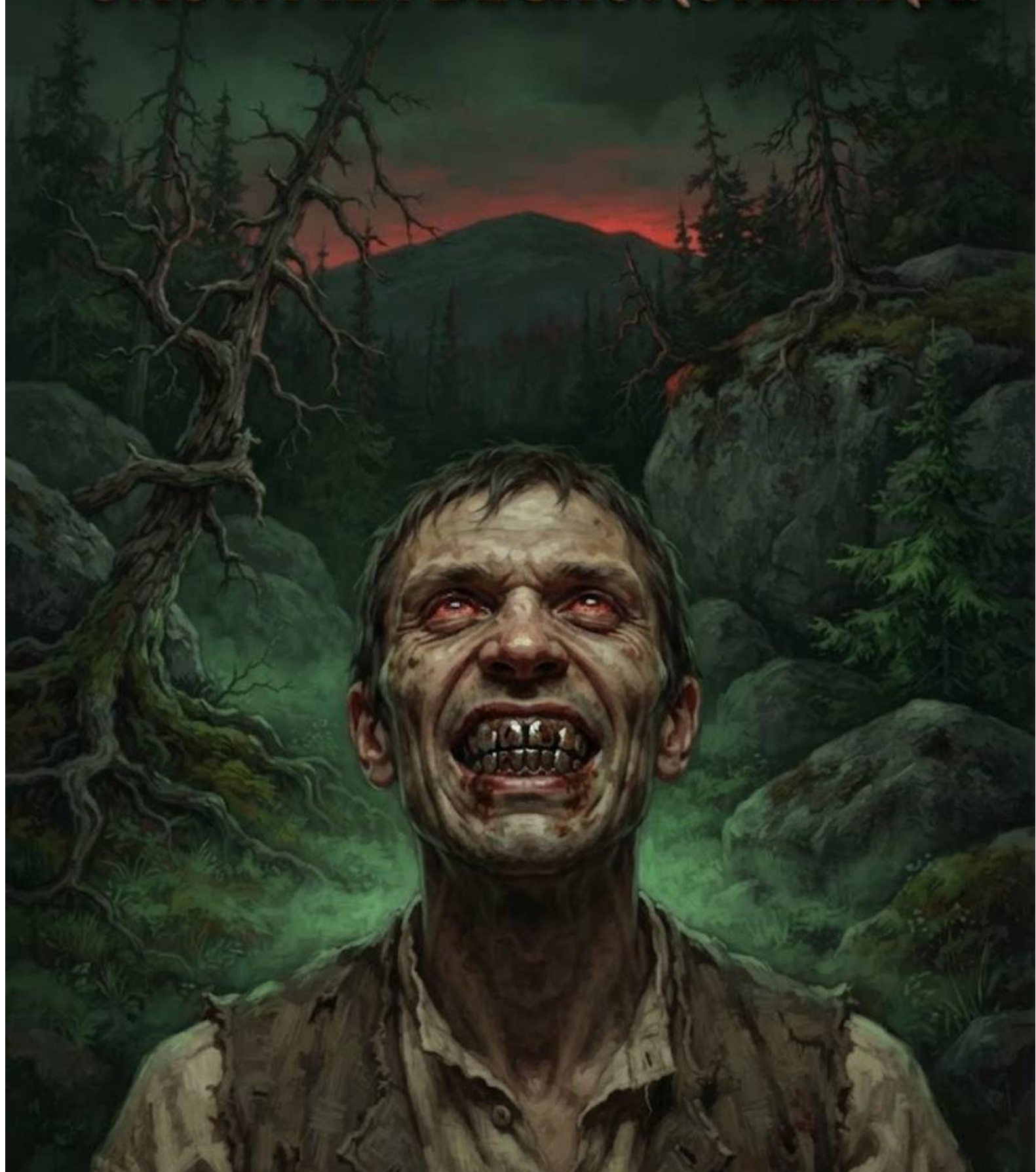

СЕРГЕЙ ЧЕРТОПРУД

ТЕПЕРЬ МЫ ХРАНИТЕЛИ. ОХОТА НА БЕСПОКОЙНИКА.

Сергей Чертопруд

**Теперь мы Хранители.
Охота на беспокойника**

«Автор»

2026

Чертопруд С.

Теперь мы Хранители. Охота на беспокойника / С. Чертопруд — «Автор», 2026

1896 год. Карельскую гору Воттоваару величают северным чистилищем. На её плоской вершине реальность истончается, открывая один из путей в Подземный мир. Там древние духи соседствуют с тенями тогдашних страхов — всей той нечистью, которую породили русские былины, карельские суеверия и мрачные байки о беглых арестантах. Многие обитатели Подземного мира обитают в окрестности горы и в проклятой деревне Шурсьйт. И только Договор сдерживает их от войны с людьми. В камере Тюремного замка Петрозаводска сирота Буримов ждёт этапа. Бывший ученик Олонецкой духовной семинарии, разочаровавшийся в Боге, он больше не боится ни смерти, ни Нерчинских рудников. Цена свободы — дойти до Шурсьйт. Там чернокнижники подняли дух Марины Мнишек. Уцелевшая дочь польского авантюриста веками копила ненависть к роду Романовых, погубившему её семью. Теперь она готова наслать родовое проклятие на Государя Императора. Предупредить об этом нужно любого из Хранителей Договора: сельского батюшку, знахарку или колдуна.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дорога дальняя, деревня проклятая	7
Глава 2. Тайны «черного дневничка»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Теперь мы Хранители. Охота на беспокойника

Пролог

«От господина поручика Олонецкого губернского¹ жандармского управления откомандированного в 10-е (тайное) делопроизводство Департамента полиции² Шмелёва Александра Григорьевича

Рапорт Его Высокоблагородию Господину Начальнику Стражи Санкт-Петербурга, состоящему в чине коллежского советника Павлу Николаевичу Семеновскому

Ваше Высокоблагородие!

Имею честь представить Вашему вниманию нижеследующее обстоятельное изложение происшествия, имевшего место утром 10-го числа июня текущего года в городе Петрозаводске, а именно в камере № 14 Тюремного замка:

Подсудимый Буримов Алексей Петрович, духовного звания, возраста 19-ти лет, обвиняемый в покушениях на святотатство путём ограбления православных церквей, объявил своим соседям и свидетелям игры, происходившей в означенной камере, о применении участником сей партии Антохиным Петром Ивановичем, мещанского звания, возраста 32 лет, обвиненный... , бытовых чародейских приёмов в ходе разыгрывания карточной игры известного названия «Стосс».

За сим открытием возымел негодование среди участников вышеуказанной забавы, следствием коего явился инцидент рукоприкладства, нанесённого потерпевшему Буримову своими же сожителями камеры...

Вследствие произведенного лично мною опроса вышеозначенного лица выяснилось следующее обстоятельство: бытовыми чарами овладеть означенный Антохин Пётр Иванович сумел ещё во времена своего пребывания в известной своей дурной славою деревне Чёрные Пни, принадлежащей Тверскому уезду. По его собственным словам, указанные способности использовал он исключительно в целях улучшения успехов при игре картежной.

Проверено мною дополнительно указанное лицо по имеющимся оперативным материалам 10-го (тайного) делопроизводства Департамента Полиции, и согласно справочным данным подтверждено отсутствие у вышеупомянутого субъекта принадлежности к каким-либо сектантским сообществам или занимающимся распространением тайных наук чернокнижников.

При сем событии присутствовал также арестант Чайкин Александр Григорьевич, дворянского происхождения, возрастом в 27 лет, обвинённый ..., хотя он сам непосредственно в конфликт не вступил, однако впоследствии имел продолжительную беседу с Буримовым Алексеем Петровичем, содержание которых остаётся неизвестным начальству учреждения...

С подлинным верно,

¹ С 1801 года по 1922 год город Петрозаводск был столицей Олонецкой губернии — прим. Авт.

² На самом деле к 1917 году Департамент полиции МВД состоял из девяти делопроизводств и Особого отдела, отвечавшего за политический сыск и контрразведку. А в конце XIX века функции этого отдела выполняло Третье делопроизводство, которое тогда так и называлось — Секретное — прим. авт.

*поручик Отдельного корпуса жандармов
Шмелёв Александр Григорьевич*

.... июня 1896 года г. Петрозаводск»

Глава 1. Дорога дальняя, деревня проклятая

Переступив порог камеры № 14, новичок в первые мгновения слеп и глух. И лишь едкая смесь запахов — спёртого воздуха, дешёвого табака, немытых тел и сырой одежды — безошибочно указывала, куда он попал.

Затем глаза привыкали к густому полумраку. Скучный свет робко пытался пробиться сквозь плотные тучи табачного дыма под зарешеченным окошком, но даже керосиновая лампа была бессильна рассеять эту мглу. А слух начинал различать какофонию звуков: пока один из арестантов громко смеялся, другой стонал, третий яростно доказывал что-то соседям, а четвёртый заунывно тянул песню.

В камере находилось более трёх десятков человек — от подростков до дряхлых стариков, от матёрых уголовников до беспаспортных бродяг и крестьян, совершивших преступление по пьяному делу.

Арестанты, бывавшие в столичном Доме предварительного заключения, рассказывали, что там им выдавали матрацы и кормили досыта. Обитатели камеры № 14 лишь недоверчиво хмыкали. Здесь спали на голых досках нар, подложив под голову руку вместо подушки и укрываясь своей одеждой — если её ещё не проиграли в карты.

Кормили скудно. Утром — черствый хлеб и кипяток. Днём — суп из прошлогодней капусты, каша на воде и ржавая селёдка. Вечером — снова пустая серая каша. Говорили, когда на тюремном огороде поспеет капуста и выкопают картошку, меню станет разнообразнее, но до этого благословенного времени нужно было дожить.

Зато заключённые Петрозаводского замка могли почувствовать себя солдатами. Вместо липких деревянных ложек им выдавали посуду из лужёной меди — такую же, как в армии. Что поделать, если местный военный начальник расплачивался за работу каторжан казенными кружками.

Зайди в камеру уголовник или полицейский со стажем — он бы сразу обратил внимание на двоих обитателей, которые скромно сидели в самом тёмном углу и старались ничем не выделяться. Даже говорили они тихо, словно боялись, что их подслушают стены.

Алексей Буримов — невысокий худощавый брюнет с синяком под глазом, одетый как «иерусалимец»: суконные чёрные штаны и косоворотка, порванная в нескольких местах. Однако наглый взгляд и порывистые движения разрушали образ странника. В нём не было степенности, свойственной профессиональным нищим. Большую часть времени он молча смотрел в окно, а не упражнялся в байках о паломничествах, как это делали настоящие «иерусалимцы».

Александр Чайкин — светловолосый крепыш в рубаше с косым воротом и зипуне. Одежда была ему велика, грязна и рваная. На роль подзаборного пьяницы он не годился: волосы были слишком чисты. Местный парикмахер посоветовал бы ему отправляться за такой стрижкой в Санкт-Петербург. Даже щетина смотрелась элегантно.

Среди сокамерников он выделялся не только видом, но и манерами. Он был «из благородных», но чувствовал себя комфортно среди простолюдинов, словно провёл с ними годы. Кто-то уже заподозрил в нём агитатора, разжигавшего смуту против царя-батюшки.

Что особенно настораживало остальных обитателей камеры — так это поведение «агитатора» и «иерусалимца». Они демонстративно игнорировали сокамерников.

— Сначала он глаза всем отвел, — шептал Буримов собеседнику, быстро взглянув на лежащего в другом конце камеры и тихо постанывающего бородатого мужика, — а затем карты стали полупрозрачны. Масти можно увидеть. Ну и играть начал чернокнижник.

— Чароплет бытовой... — задумчиво поправил его Чайкин и тоже посмотрел на Антохина. «Обычный чаровник» — подумал он. И переведя взгляд на собеседника, мысленно про-

должил: «А этот еще и клюквенник. Грабить церкви — готов, а смирится с тем, что кто-то чары для наживы использует — нет».

— Кто?

— Колдун-недоучка... — раздражено пояснил Чайкин, мысленно добавив: «как Евлампий», но вслух произнес, — А сам то можешь как он, колдовать?

— Хотел бы, но не могу. Только вижу, как другие этим занимаются — со вздохом признался Буримов.

— Как и я. Тоже все видел... Так что не врешь ты.

— А чего врать... — Буримов порывисто вскочил, — Для меня это проклятие...

Его пальцы сжались в кулак, и он уже рванулся к бородачу, но так же внезапно остановился, медленно разжал руки и сел обратно на нары.

— Я в лавке отцу помогал. Пришел вот такой. У него левое ухо порвано. Сначала глаза отвел. Отец словно окаменел...

— Так это «чернокнижье»? — удивлено прошептал Чайкин, но собеседник его не услышал.

— А потом хотел товар с прилавка забрать. А я во двор выскочил. Кричу: «держите вора». А он выскочил и бежать...

— Надо соседей было соседей предупредить..., — и мысленно продолжил: «... и Стражу олонекскому сообщить... Хотя странно это. Сейчас он троих раскидал. А там одного не смог скрутить. Что-то недоговаривает он... Может, побил тогда «Рваное ухо», как этого сейчас».

— Так и сделали. Как только в лавку заходит, так молитву сразу. Шарахался как черт от ладана...

— Так он наверно сбежал, — и мысленно продолжил: «или кто Стражу донес... Хотя нет. Не было такого. Я ведь все его отчеты за последний год посмотрел!»

— Дня три прошло. Я с дедом на охоту ушел... А когда вернулись, — Буримов сглотнул ком в горле. На глазах выступили слезы, — Ночью он нашу лавку и дом спалил. Родители и брат погибли...

— Может, пожар сам случился?

— Он это... У соседей кобель огромный и злоющий. Как кто чужой рядом проходит — лай на всю улицу. Отец спал чутко. Точно бы проснулся. И мать с братом разбудил бы. Выскочили бы они. А они в избе остались. Потом кто-то вспомнил, что он до этого пьяный в трактире нас проклинал.

«Или тебя лично» — подумал Чайкин, но вслух произнес:

— А полиция что?

— Судебный следователь сказал, что колдовство только в сказках. А ведь здесь оно.

К Антохину, лежавшему на нарах, бесшумно подсел арестант со злым, изрытым оспой лицом. Они склонились друг к другу и начали тихий разговор.

Чайкин подумал: «Если «Рваное ухо» на убийство целой семьи решился, то... Стража губернского тоже мог... И меня сюда отправить... Вот только как он с призывом Марии Мнишек связан? Душегуб — да, но не царевубийца точно».

— Тяжело тебе на каторге придется. Там много таких... — Чайкин взглянул на продолжавших о чем-то шептаться Антохина и бандита, — Да и клюквенников не жалуют...

Дверь камеры со скрежетом отворилась. В камеру протиснулись трое арестантов с бидоном дымящегося супа. Следом за ними внесли стопку мисок с ложками и поднос с черствым хлебом. А последним вошёл Старший надзиратель — громила ростом под два метра.

В камере, и без того набитой людьми, сразу стало нестерпимо тесно и душно.

— И так тошно, а еще ты..., — зло прошептал Буримов, косясь на тюремщика, — Тебя то скоро выпустят. Разберутся. Ясно же всем. Из благородных ты... А я по дороге на каторгу помру или там сгину... Отжил я свое.

Началась раздача баланды — мутной воды с кусками капусты, которая в документах именовалась «щей». Под пристальным взглядом Старшего надзирателя каждому сидельцу вручали по куску хлеба.

Кто-то тут же жадно съедал свою пайку. Другие бережно отщипывали крохи, растягивая удовольствие. А кто-то спешил отдать карточный долг более удачливому игроку.

— А если освободят? — не унимался Чайкин, ставя перед собеседником его тарелку и кладя рядом его кусок хлеба.

— Шутишь? Кто же мне поверит, что больше не буду храмы обносить? Да и не простят мне...

— А сам то?

За два дня пребывания в камере Чайкин еще не успел сильно проголодаться. Поэтому не спешил приниматься за еду. Буримову же захотелось кому-то выговориться. И почему-то хотелось верить этому странному человеку.

— Думал, что семинария — тюрьма... Но вот она, — он обвел мрачным взглядом камеру, — а там свобода была.

Всё это время Чайкин внимательно смотрел на Буримова. Тот же был слишком погружён в себя, чтобы это заметить. Внезапно он отвернулся и уставился в зарешёченное окошко всего в паре метров от них. Видеть сквозь стекло, почерневшее от многолетней копоти, было невозможно, но там была свобода.

Голод победил рефлексию, и Буримов начал жадно работать ложкой.

Чайкин же к супу не притронулся — пододвинул свою миску клюквеннику, спровоцировав неодобрительные взгляды сокамерников. От своего куса хлеба он отщипывал крохотные кусочки, медленно клал их в рот и смаковал каждое мгновение, хотя вкуса не чувствовал, занятый чем-то очень важным.

Наконец, он решил и спросил:

— До деревни Шурсьит дойти сможешь?

Буримов испуганно перекрестился и кивнул...

* * *

...На Святки большинство семинаристов Олонецкой духовной семинарии разъезжались по домам или жили на съёмных квартирах. В общежитии оставались только «корпусники» — те, кто обучался за казённый счёт. Днём им разрешалось выходить на улицу, но к началу вечерней службы они обязаны были вернуться в домовую церковь во имя апостола Иоанна Богослова, что находилась на третьем этаже нового корпуса. Затем ночной сторож запирали все входные двери.

Спальня первокурсников напоминала казарму: выкрашенные в серый цвет стены, нижняя часть оконных стёкол, замазанная белой краской; два ряда кроватей с железными спинками, около каждой — тумбочка и табуретка. В «красном углу» висела икона с мерцающей лампадой, в другом углу стояла керосиновая лампа.

«Казёнщиков» — так с презрением называли тех, кто был вынужден встречать Сочельник здесь. Царившая в училище «дедовщина» их почти не касалась. Да и что «старшики» могли потребовать от вечно голодных и озлобленных бедняков? Разве что использовать их как прислугу при богатых сокурсниках или вожakov ватаг для издевательств над преподавателями ради общего веселья.

Для Буримова это был первый Сочельник не дома. Сидя на табуретке, он смотрел в глазок проталины на окне и лениво слушал, как другие «корпусники» соревнуются в рассказывании историй. Лучшие рассказчики могли рассчитывать на почёт у однокурсников и защиту

«старшиков». Он уже понял, что его охотничьи байки никому не интересны, как и истории о сытой жизни сына лавочника.

— А кормят здесь от пуза, — поглаживая впалый живот, произнес худой паренек Мишка, — У нас в селе Гимолы Успенский пост³ весь год. И без масла. А рыба — если поймать сможем.

— Почему? Лес ведь за околицей, — удивился страдающий гормональными нарушениями семинарист Пашка Толстяк. В общежитии он поселился лишь неделю назад, когда родственник, у которого он жил в Петрозаводске, куда-то уехал.

— А ещё деревня проклятая есть — Шурсыйт, — сообщил рыжеволосый Глеб, который, казалось, знал всё о жизни в Олонецкой губернии. — Повезло тебе, Мишка, что до неё от вас верст двадцать. Было бы ближе, туда бы не только зверьё ушло, но и крестьяне... А так только зверьё. Лесной хозяин их позвал, а лешему-побратиму поручил сторожить.

— А люди тут причём? — не понял Пашка.

Все дружно засмеялись, так как эту историю они слышали уже несколько раз. Но в исполнении Глеба она обрастала новыми пикантными подробностями.

— Не зря её проклятой считают! Там разврат жуткий. Все живут вне церковного брака. Если кто хочет жениться, едет в город и ищет девку гулящую или пьянчугу подзаборную... Даже бесприданниц и сирот за жителей Шурсыйта замуж не выдают! Хотя деньги родителям сулят: избу поставить или пару коров купить...

Рождаются там одни карлики. Тупые, но работающие. Церковных праздников не соблюдают, зато трудятся день и ночь. А чем ещё селянам заниматься, если всю работу эти уродцы делают? И приход там богатейший. Их батюшка Никодим и староста Дюжев всем начальникам взятки заносят. Вот губернская власть ничего и не видит. А там черти на мельнице вместо людей трудятся, нечисть скотину пасёт и хлеб растит. Всё ради того, чтобы селяне могли блудить!

— Бреешь, — возразил кто-то из слушателей, поддерживая ритуал.

— Вот тебе крест! — рассказчик размашисто перекрестился. — У нас мужики ездили туда косы покупать. Они зачарованные. Сено после них хранится дольше, и коровы молоко вкуснее дают. И болеют меньше. А ещё сказывали, что в избах им служат призраки. Зашёл дядька Семён в избу, а там полупрозрачная фигура из печи горшок ухватом вытащила и на стол поставила. Семён молитву шепчет и за порог пятится, а призрак его даже не замечает! А в красном углу — образ свящennemученика Киприана и мученицы Иустины. Дядька Семён сказывал, что такой же и у старосты в горнице висит, и в храме деревенском...

— Ну и что? — фыркнул Пашка-Толстяк.

— У них помощи просят, когда попадают под влияние нечисти, — объяснил Глеб. — У нас на курсе сын батюшки Никодима учится, из той деревни. Его Киприаном нарекли. Не верите — спросите у него.

— Бесполезно, — вздохнул Мишка. — Я пытался с ним говорить. Он только отмахивается: «Это мой крест». Да и держатся они особняком. Своей ватагой ходят — сыновья священников из «проклятых» деревень.

— И учителя с ними отдельно занимаются, — добавил кто-то из угла, окончательно запутав Пашку.

Глеб понизил голос до шёпота:

— Призраки избы стерегут. Деревня-то богатая! Кто пытался её обнести, те в лесу сгинули. Говорят, главные сокровища свои они вообще за околицей прячут. От пожаров да лихих людей...

В комнате повисла тишина, которую нарушил мечтательный голос Мишки:

³ Считается более строгим, чем Великий пост из-за малого количества праздников, когда можно употреблять рыбу или мясо — прим. авт.

— Вот бы их найти....

* * *

Буримов отогнал нахлынувшие воспоминания.

— Я помогаю тебе сбежать..., — уверено заявил Чайкин.

— Как? На работы меня не выводят, — Буримов показал взглядом на зарешеченное окошко, — Третий этаж. Нужна веревка. Это если решетку сломаем... Допрашивают здесь. На первом этаже. Завтра меня в суд поведут. Под конвоем... Думаешь самый умный.

— Я для газет истории сочинял о том, что в суде происходит. Часто бывал там. Даже здесь...

Буримов впился взглядом в собеседника.

— А дальше что? Где от полиции спрячусь? Как без паспорта жить буду? Меня же сразу «скрутят», как тебя!

— В деревне Шурсыйт. Туда полиция боится заглядывать.

— И убьёт меня там местный колдун. Как родителей и брата.

— Там с чароплетством строго. Местный батюшка, отец Никодим, — смотрящий. Когда придёшь, передашь ему привет от «Шахматиста». Расскажешь всё о «Рваном ухе» и обо мне. И ещё скажешь, что кто-то из односельчан призвал Марию Мнишек из Подземного мира и убил губернского Стража. Пусть он пришлёт в город надёжного человека и отправит восточку «Шахматисту» со всеми новостями. Меня в гостинице «Палермо» найдёт, — поспешно выпалил Чайкин.

— Бред, — категорично заявил Буримов, глядя на Чайкина с плохо скрываемым презрением.

— А так? — Чайкин поднял руку, и на среднем пальце его левой руки появилось полупрозрачное блестящее кольцо.

Буримов замер, словно загипнотизированный, не в силах оторвать взгляд от этого странного предмета. Тем временем Чайкин с улыбкой водил рукой над нарами, наблюдая за реакцией бывшего семинариста. При этом никто из сокамерников, даже Антохин, ничего не заметил.

Внезапно всё прекратилось. Кольцо погасло и исчезло с пальца. Буримов растерянно перевёл взгляд на лицо Чайкина.

— Это кольцо защиты от колдунов и нечисти, — принялся объяснять тот. — Если я дам его тебе и пообещаю, что батюшка Никодим выправит тебе новый паспорт и даст денег...

— Этот сможет, — понимающе хмыкнул экс-семинарист.

— ... когда всё сказанное тобой проверит.

Буримов рывком сел на нарах, затем так же резко поднялся и принялся ходить туда-сюда, словно зверь в клетке.

— А сам то чего...

— Не местный я и дороги в Шурсыйт не знаю, — признался Чайкин и мысленно добавил: «пытался... да и время не терпит».

— А если в деревне его не будет? — все еще сомневался Буримов.

— Должен... Если что, то к сыну его Киприяну обратиться или пасечнику Мирону. Они все Никодиму передадут. Первый семинарию закончил и уже до деревни добрался. Дней пять прошло. А второму в городе сейчас делать нечего. Старый мед распродал, а новый месяца через два будет.

— Как то складно все говоришь, — продолжал сомневаться клоквенник.

Вместо ответа Чайкин провёл правой ладонью над левой. Кольцо материализовалось вновь, но теперь оно выглядело не призрачным, а вполне осязаемым, из плотного металла. Он снял его и протянул Буримову.

Тот осторожно принял артефакт, ожидая чего угодно, но только не ощущения прохладной тяжести. Вертя кольцо в пальцах, он вдруг, словно повинувшись внезапному порыву, надел его на средний палец левой руки и прошептал:

— Служу Порядку.

Кольцо мгновенно впилось в кожу, оставив руку чистой.

Буримов ошарашенно уставился на свою кисть, затем перевёл подозрительный взгляд на Чайкина.

— Теперь согласен?

— А ты как... без него? — Буримов сначала указал на свой палец, а затем кивком головы — на подозрительно притихшего Антохина.

— Слаб он. Да и меня завтра — послезавтра здесь уже не будет.

— Ну, рассказывай свой план...

* * *

Гора Воттоваара — кряж длиной около семи километров — величественно возвышалась над карельской тайгой. Жители двух деревень, что находились в двадцати верстах от неё, считали плато на вершине горы ещё более проклятым местом, чем Шурсьит, и местные жители были с ними согласны. И хотя от околицы Шурсьит до горы было всего пара вёрст по хорошей дороге, на склоны Воттоваары поднимались редко.

Даже знахарка Агафья и колдун Мирон редко приходили сюда, строго-настрого запретив своим ученикам Устинье и Василию появляться здесь в одиночку. Что уж говорить об обычных чаровниках и чаровницах, чьи познания в чарах были ещё скромнее? Даже «тайный колдун» или «чернокнижник» должен был иметь вескую причину, чтобы совершить такое паломничество в одиночку.

Да и что делать здесь летом, в разгар сбора трав, грибов и ягод? Лишь плоские камни, покрытые разноцветными мхами, да скрученные спиралью карликовые берёзки. Птицы и звери обходили это место стороной, зато комары, мошка и слепни чувствовали себя здесь как дома.

С приходом зимы всё менялось. Когда снежное одеяло укрывало землю, место становилось относительно многолюдным. Колдуны и шаманы с Северо-Запада Российской империи и Сибири совершали сюда паломничества. Ведь все знали, что почти триста лет назад именно зимой отряд Стражей смог победить злую волшебницу Сютэр, заперев её в Подземном мире. Так гласила одна из легенд, согласно которой зима стала временем людей, а лето — обитателей Подземного мира. Хозяйка постоянного двора была более прагматична: по её мнению, всё дело в дорогах, ведь зимой на санях до деревни добраться было быстрее, чем летом на подводе.

На поляне, которую в деревне прозвали Кладбищем колдунов, хоронили всех, кто вошёл с нечистью: чародеев, ведьмаков, а вместе с ними — и тех, кому помогали обитатели Подземного мира. Приходили сюда лишь по церковным праздникам, чтобы помянуть родных. Здесь находили последний приют не только знахарки и ведуны, но и простой мельник с кузнецом. Ведь первому пособничали амбарник и мельничные бесы, а второму — кузнечный чёрт. Считалось, что после смерти эти люди могли обернуться оборотнем или беспокойником, а потому им не место было на освящённом деревенском погосте.

В каждом селе, слывшем проклятым, имелось подобное кладбище. А вот в городах таких мест не встречалось. На любом старом некрополе местный смотритель, если сочтёт вас достойным доверия, укажет, где покоятся чернокнижники. А затем немедля донесёт о вашем подозрительном интересе губернскому Стражу. Сами же вы, разглядывая поросшие мхом надгробья

бия, нипочём не отличите могилу того, кто за всю жизнь ни разу не переступил порог храма, от упокоения истового прихожанина, соблюдавшего все посты и проводившего дни в молитвах.

В Шурсыйт захоронения устраивали в сейдах — каменных склепах, сложенных из плоских плит. В конце XIX века никто уже не знал, кто и зачем возвёл на плато горы Воттоваара более тысячи таких «мавзолеев». Тело покоилось в сейде пятьдесят–сто лет. Когда растущий на камнях мох исчезал, это служило знаком: дух покинул останки, и склеп можно было использовать для нового захоронения.

Был здесь и свой смотритель, но он заступал на службу лишь после заката и уходил с первыми лучами солнца. Поэтому сейчас он не видел происходящего у сейда — места упокоения пасечника Мирона.

Из каменного склепа, пятась, пытался выбраться мертвец в кожаных сапогах до колен, домотканых штанах и в куколе⁴. Стоящий рядом священник Никодим увещевал его вернуться в могилу, но беспокойник лишь злобно рычал в ответ. Когда уговоры не помогли, Никодим попытался силой затолкать его обратно, нанеся несколько ударов ногой. Это лишь сильнее разъярило тварь. Совершив мощный рывок, она окончательно вырвалась из своей каменной темницы на свободу.

— О святые священномученик Киприан и мученица Иустина! Внемлите смиренному молению нашему. Хотя временную жизнь вашу мученически за Христа окончили, но духом от нас не отступили, всегда заповедям Господним следовать нас научая и крест свой терпеливо нести нам помогая⁵... — торопливо шептал Никодим молитву, медленно отступая от пытающегося встать на ноги мертвеца.

Оба они не замечали третьего участника трагедии, который следил за происходящим, спрятавшись среди сейдов. Тёмный балахон — обычная одежда для походов в места, кишасшие комарами и гнусом, — делал его незаметным в тени кустов и деревьев.

Равка — так местные называли колдунов, что после смерти обрели тело и разум беспокойника, — злобно оскалился. Даже если у живого колдуна не было половины зубов, то после смерти он мог похвастать тридцатью двумя целыми. Правда, железными и шершавыми.

Никодим сделал ещё шаг назад, споткнулся и, взмахнув руками в попытке устоять на ногах, тем самым спровоцировал атаку. Равка молниеносно бросился вперёд и вцепился железными зубами священнику в лицо.

* * *

Утро в камере № 14 едва не началось с драки. Как и вчера, зачинщиком выступил богохульник. Что с него взять — удача давно от него отвернулась за все его деяния.

Всю ночь на столе тускло чадила керосиновая лампа. Надзиратели экономили керосин, заливая его по самому минимуму, и света от лампы было не больше, чем от светлячка. Эта скаредность и спасла камеру от пожара, когда Буримов спросонья смахнул её на пол.

Как это вышло, никто не заметил. Сначала раздался звон разбитого стекла и ругань Буримова, а когда все повернулись, то увидели, как по доскам стола растекается вонючая лужа.

Виновник происшествия схватил с колен соседа картуз и принялся яростно затирать пятно. Затем он сунул испорченный головной убор обратно владельцу.

— На, держи своё добро! — буркнул он.

Чайкин брезгливо отшатнулся.

— Ты что творишь, ирод? Весь в керосине же!

⁴ Кукол представлял собой длинный белый холщовый балахон с острым верхом, который полностью закрывал голову и плечи покойного, надеваясь поверх верхней одежды. Это был традиционный элемент погребального обряда Карелии конца XIX века. — прим. авт.

⁵ Канонник. Канон священномученику Киприану и мученице Иустине — прим. авт.

Ссора вспыхнула мгновенно. Буримов, оскалившись, начал подниматься с нар. Но драку не допустил Старший надзиратель, что проходил по коридору и услышал шум в камере.

— Не просто клюквенник, а еще и колдобистый. На этапе точно кандалы потеряешь, — вынес свой вердикт Старший надзиратель, чем вызвал смех у других обитателей камеры. Не смеялся лишь Чайкин, мрачно смотря на испорченный головной убор. Буримов, не смущаясь, со словами:

— Тебе не нужен, а мне сгодиться, — взял и примерил картуз.

— Смотри не урони, как спички, — хмыкнул Старший надзиратель, вызвав новый взрыв смеха. Теперь и Чайкин улыбнулся. Все вспомнили вчерашний вечер, когда богохульник вызвался зажечь лампу.

Заключенные подобного усердия не жаловали. Буримов забрал у надзирателя, застывшего в дверях — тот боялся сунуться в камеру один, — лампу со спичками и шагнул к столу. По пути он умудрился выронить коробок. Спички веером разлетелись по загаженному, заплывшему камню, перемешавшись с бурыми пятнами сохшейся крови. Под гогот и матерщину сокамерников Буримов долго ползал по ледяному полу, собирая их.

* * *

Начальник петрозаводского Тюремного замка Собакин сидел за массивным столом, покрытым зеленым сукном. Он неторопливо пил чай из стакана в мельхиоровом подстаканнике.

Перед начальником были разложены листы донесений. На подаренном заезжим купцом «Ундервуде» (тот искал здесь спасения от гнева супруги: кутил с любовницей и дебоширил в лучшем ресторане города) Собакин ловко печатал двумя пальцами. У стены темнел двухметровый несгораемый шкаф.

Старший надзиратель переминался перед столом и то и дело косился на высокие напольные часы.

— Чего ждешь, Порфирий Петрович?

— Когда Буримова от нас отправят на этап. Из 14...

— Опять драка?

— Мутный он какой-то. Вроде клюквенник, но при этом слишком умен и ловок.

Хозяин кабинета утвердительно кивнул.

— А вчера сам вызвался лампу зажечь, но спички рассыпал. Сегодня решил затушить — керосин разлил и стекло разбил...

— Может, осознал, что скоро на этап?

— Не похож он на будущего висельника. И на клиента дурдома. Что то другое...

Собакин поставил стакан на стол и, не отрывая взгляда от Старшего надзирателя, принялся перебирать бумаги. Его пальцы быстро скользили по листам, пока не выхватили нужный документ. Бегло просмотрев его, он наконец поднял глаза на посетителя и, всё ещё не выпуская листка из рук, потребовал:

— Порфирий Петрович, не в службу, а в дружбу. Зайди сегодня вечером в гостиницу⁶ «Палермо», что на перекрестке Соборной и Большой набережной...

— Знаю я этот постоялый двор, там только благородные да купцы останавливаются...

— Спроси о Чайкине. Может и правду говорит, — и заметив удивление на лице собеседника, пояснил, — Может из марвихеров⁷. У нас отсидеться решил...

⁶ Один из первых документов регламентирующих сферу гостеприимства в Российской империи — «Положение о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевен в Санкт-Петербурге и Москве. Февраля 2-го 1821 года». — прим. авт.

⁷ Вор-аристократ международного класса, «гастролировавший» по всей Российской империи и за её пределами. Термин,

— Они и не на такое способны, — согласился с хозяином кабинета Порфирий Петрович.
— И потребовал телеграфировать в Питер, — продолжил начальник Тюремного замка.
— В Десятое тайное делопроизводство Департамента полиции. Это мне Михаил Иванович разъяснил, когда адрес и имя получателя прочел.
— Только этого нам не хватало, — помрачнел собеседник.
— Так что узнай про Чайкина. Если там он остановился, то завтра придется отпустить. Свободен.

* * *

Утром Буримова и двух других обвиняемых доставили в Петрозаводский окружной суд, размещавшийся в здании губернских присутственных мест на Круглой площади. Спутников клюквенника сразу отправили в зал заседаний, а его самого заперли до обеда в тесной камере.

Здесь пахло свежей краской и штукатуркой. Зарешёченное окно, наполовину заложённое кирпичом, почти не пропускало света. Прикрученные к полу деревянные лавки были обиты по краям железом. На стенах почти не было надписей — не то что в камере № 14, где их хватило бы на часы изучения. Буримов пошарил под лавкой, нащупал горсть песка и мелкого мусора и, воровато оглянувшись на дверь, ссыпал добычу в пришитый к косоворотке потайной карман.

После обеда конвой отвёл его в зал заседаний. Первое, что он увидел, — огромный портрет Николая II над судейским столом. Забавно: судьи, единственные в зале, сидели спиной к императору. По правую руку, в «красном углу», висела икона, по левую — стояло зеркало⁸. Между иконой и портретом находилась дверь с надписью, выполненной позолотой: «Комната для свидетелей». Другая дверь, что между зеркалом и портретом, вела в «Комнату для совещаний». Обе двери были сейчас закрыты.

Пространство зала суда было чётко разделено: судейская трибуна возвышалась над остальными, справа располагались стол секретаря и место обвинителя, а слева — скамья подсудимых и место для адвоката. Все эти зоны были отделены от зрительских рядов невысоким, по пояс, забором.

Конвой оставил Буримова на месте и удалился, оставив лишь одного солдата у выхода со скамьи подсудимых. Буримов окинул его цепким взглядом и довольно хмыкнул. Годы ночных бдений в семинарии научили его безошибочно определять предел человеческой выносливости. Этот часовой, прикрыв глаза, уже начал сдавать. Потеряет бдительность через час, а может, и раньше.

Сам Буримов предпочёл провести это время в полной расслабленности. Он демонстративно отвернулся к огромному окну рядом с конторкой секретаря и погрузился в созерцание, едва слушая выступающих. Он едва не упустил нужный момент.

Повернув голову на шорох мантии, он увидел, как судья начал зачитывать приговор. В ту же секунду Буримов снова взглянул на конвоира. Тот всё ещё стоял по стойке «смирно», но его глаза были закрыты.

«Вот шельмец! — мелькнуло в голове. — Спит! Стоя! У нас в семинарии такое никому не удавалось. Хотя ему не нужно креститься и поклоны отбивать. Да и голос у судьи усыпляющий, я сам едва не заснул. Ну, тем для меня лучше».

— ...за похищение, со взломом, из церкви предметов священных и принадлежащих церкви денег..., — продолжал монотонно бубнить судья.

скорее всего, произошёл от польско-еврейского слова «mawicher» — обычный вор, пройдоха, мошенник — прим. авт.

⁸ Трёхгранная призма с орлом наверху и с тремя указами Петра I на гранях — Указ о хранении прав гражданских, Указ, регламентирующий поведение в судебных местах и Указ о государственных уставах и их важности; в Российской империи была неременной принадлежностью каждого присутственного места — прим. авт.

Буримов медленно, чтобы не издать ни звука, потянул за козырёк картуза Чайкина. Пальцы нащупали под подкладкой шероховатую головку спички. Он на мгновение скосил глаза на конвоира. Солдат, казалось, ничего не подозревал, полностью отдавшись своему стоячему сну.

Вытащив добычу, Буримов разжал пальцы. Картуз беззвучно соскользнул с колен и остался лежать на полу тёмным пятном.

— ...приговорить, руководствуясь статьями двести двадцать один..., — продолжил судья.

Буримов наклонился вперед.

— ..статьями двести двадцать пять...

Чирк! Резкий запах серы — и спичка вспыхнула на конце ярким, почти неестественным огоньком.

— ...ссылке на каторжные работы в крепости сроком на двадцать лет...

Спичка упала в керосиновое пятно. Картуз занялся огнём.

— ...мещанина Буримова Алексея к лишению всех прав состояния...

Клюквенник подхватил с пола пылающий головной убор, вскочил со своего места и швырнул его на стол секретаря. Он попал на пачку бумаг, и пламя мгновенно жадно лизнуло листы.

— Пожар! — истошно заорал он, запрыгнув на скамью.

Конвоир дёрнулся, открыл глаза и заполошно завертел головой. Буримов сунул руку за пазуху, одним прыжком перемахнул на барьер. Солдат шагнул к подсудимому и рванул из ножен шашку.

Буримов спрыгнул с барьера, развернулся и швырнул в лицо конвоиру пригоршню песка. Солдат прижал ладони к глазам, и в ту же секунду Буримов саданул его ногой в живот. Удар согнул конвойного пополам. Второй пинок — и тот, гремя шашкой, рухнул на пол.

В несколько прыжков Буримов достиг окна. Схватив массивный стул секретаря, он с размаху обрушил его на стекло. Осколки брызнули наружу.

Сзади занялась огнём столешница. В зале началась паника.

Буримов вскочил на подоконник и выбросился на улицу.

* * *

Старший надзиратель быстрым шагом шёл по Петербургской улице к Круглой площади. Мимоходом взглянув на здание суда, он подумал, что Буримова приведут в Тюремный замок лишь к ночи, а завтра отправят на этап с партией каторжан.

Свернув на Мариинскую, он миновал дома заводских чиновников, военный суд, больницу и управу с новой пожарной каланчой. Вскоре он оказался на Соборной улице и остановился у двухэтажного особняка купца Юшина, где теперь располагалась гостиница «Палермо».

Вид отсюда открывался захватывающий. Прямо под ним лежала Петрозаводская губа, за ней темнели Ивановские острова, а у самого горизонта виднелся Соломинский погост с церковью, стоящей на огромном валуне. У общественного причала прогуливались горожане.

Надзиратель вошёл в холл «Палермо» и замер. Из угла лилась божественная, непривычная музыка. Человек во фраке сидел на стульчике и играл на органе — инструменте, который хозяин гостиницы, купец Шабунин, приобрёл в Санкт-Петербурге за три с половиной тысячи рублей.

Переборов робость, он подошёл к портю. Тот с тщательно скрываемым любопытством разглядывал гостя, а точнее — его офицерский мундир из чёрного гвардейского сукна с узким золотым галуном на воротнике и обшлагах. На груди тускло поблёскивала медная бляха с надписью: «Петрозаводский тюремный замок».

Надзиратели крайне редко носили форму вне службы: казённое имущество выдавалось под роспись, и за порчу взыскивалась его стоимость. Поэтому мало кто, кроме заключённых, мог видеть этот мундир.

Портье, наконец, оторвал взгляд от бляхи и вопросительно посмотрел на посетителя.

— Добрый вечер. Желаете... номер? — портье осёкся. Вопрос был глупым. У гостя не было ни чемодана, ни дамы.

— Скажи-ка, любезный, не останавливался ли здесь дворянин Чайкин? Александр Григорьевич?

Портье склонился над журналом, перелистнул страницы.

— Пять дней как заселиться изволили. Оплатили на две недели вперёд. В номере не появлялись уже два дня.

Стремясь скрыть волнение, надзиратель задал следующий вопрос:

— А куда он мог... направиться?

— Спрашивали, где Духовная семинария. И как до деревни Шурсыйт добраться. Наверное, нашли кого и уехали.

Старший надзиратель описал Чайкина. Сомнений не осталось: беглец из камеры № 14 и постоялец самой дорогой гостиницы города — одно и то же лицо. Осознание этого факта пронзило его ужасом.

Выйдя на улицу, он направился обратно в Тюремный замок. Нужно было перевести Чайкина в отдельную камеру, а утром — оформить освобождение через Собакина.

Но, подходя к Круглой площади, он услышал тревожные, пронзительные свистки городских. В тот же миг все мысли о постояльце из «Палермо» вылетели из головы.

* * *

Выскочив из окна, Буримов побежал через площадь мимо памятника Петру I. Дежуривший у резиденции губернатора городской его не заметил. Погоня из суда ещё не началась, и у беглеца было несколько минут форы.

Его целью был большой овраг, прозванный горожанами «Ямкой». Он появился в 1809 году в результате наводнения и прорыва плотины на речке Лососинка. В овраге добывали песок, складировали шлак с расположенных рядом литейных цехов Александровского пушечного завода.

С «Ямкой» была связана зловещая легенда. Говорили, что по ночам здесь бродит призрак девушки Марьи, которая заманивает прохожих в смертельную ловушку. Она заставляет их бегать за собой до полного изнеможения, пока человек не споткнётся о подставленный ею корень и не разобьётся на крутом склоне.

Склоны этого мрачного ущелья испещряли многочисленные ключи, из-за чего зимой здесь появлялись ледяные горки. Съехать по такой горке на ногах — мечта любого пацана. А вот если спиной вперёд и при этом удержаться на ногах..., то тому Марья удачу подарит. Сколько мальчишек побилось из-за этого — не счесть.

Буримов скептически относился к этим сказкам. Пару раз в детстве он проходил в темноте «Ямку» и не встречал никакой Марьи. Да и зимой однажды он скатился спиной вперед. И теперь вот беглый каторжник.

Сейчас, слыша позади свистки городских, он надеялся лишь на свои навыки охотника. Спрятаться в лесу от горожан, у которых шашка бьёт по ногам и цепляется за кусты... Именно на это он и рассчитывал, планируя побег.

Он начал спускаться по знакомой тропинке к мосту через Лососинку, когда увидел фигуру девушки на камне. Буримова удивил не сам факт её присутствия, а наряд — так одевались лет двести назад!

— Марья, — испуганно прошептал он.

Инстинктивно коснулся кольца Чайкина. Оно проявилось полупрозрачным предметом.

— Страж? — задумчиво произнесла девушка и сама себе ответила: — Холодно. Помощник Стража. Тепло. Поиграть не получится.

— Чего? — спросил Буримов.

Но Марья уже потеряла к нему интерес. Она смотрела вверх, где на краю оврага появился унтер-офицер. Девушка радостно вскочила и метнулась к нему. Конвоир расширенными глазами смотрел, как она стремительно приближается. Лёгкое касание плеча — и тихий смешок:

— Водишь!

После этого она заспешила вдоль склона, а унтер-офицер, словно привязанный, побегал следом. Появившиеся подчинённые устремились за начальником. Они не видели Марью и решили, что унтер преследует беглеца.

* * *

Перебежав мостик на реке Лососинке, Буримов помчался вдоль забора Александровского завода. Он не оглядывался, уверенный, что преследователи застряли в «Ямке».

Его целью была Александровско-Невская церковь. Только там он сможет сменить свою приметную одежду богомольца. Мало кто в будний день по ночам бродит по улицам Петрозаводска. Рабочий в общегитии ужинает после тяжелой смены. Приказчик дежурит в запертой лавке — охраняет хозяйское добро, а половой уже упал замертво в зале трактира после двенадцатичасовой смены. Гимназисты тоже давно по домам сидят. Как и все из господ... Да и что им делать на улицах, если только фонари горят у мостов, да и домов важных горожан... Если только припозднившейся паломник после вечерней службы ищет место для ночлега. Но вот что ему делать в церкви, где большинство прихожан — живущие в казармах мастеровые?

За этими мыслями он и не заметил, как выскочил в заводскую слободу. Лабиринт узких и темных улочек, где чужаку легко заблудиться или нарваться на пьяную драку... Но ему везло.

Наконец, площадь. Воздух со свистом вырвался из груди. Перед ним возвышалась громада Александровско-Невской церкви, отделённая от слободы каменным забором.

Буримов осторожно приблизился к полуоткрытым дверям. Изнутри доносилось пение хора — богослужение ещё продолжалось. Он воровато огляделся по сторонам и, пригнувшись, заспешил к двухэтажному дому слева от церкви.

Обычно он использовался как общегитие для паломников, но сейчас в нём жили выпускники семинарии из числа тех, кто решил сменить сословие с духовенства на городских обывателей — начать карьеру чиновника или приказчика — или ещё не получил «послушание» — распределение на место церковной службы.

Обычно семинарист возвращался в родную деревню или город и поступал в храм, где служил его отец. Но таких было немного. Поиск свободного места мог занимать несколько месяцев. Настоятели всех богатых приходов делали всё, чтобы вакансии доставались сыновьям или женихам дочерей. А бедных — ну, если только настоятель умрёт и никто из сыновей не «унаследует» его место. Или церковное начальство решит отправить выпускника семинарии заниматься миссионерской деятельностью, или он сам решит уйти в монастырь.

«Корпусники» после окончания семинарии в общегитии жить не могли. Те, кто до этого снимал жильё, были вынуждены тоже поселиться здесь. Именно сюда приходил кто-нибудь из преподавателей семинарии, чтобы сообщить о дальнейшей судьбе выпускников. Другая причина поселиться здесь — кормёжка.

Первый настоятель храма — выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, священник Иаков Васильевич Васильковский, распорядился, чтобы выпускников местной семинарии кормили сытно. После его смерти традиция сохранилась.

Процедура оформления документов в семинарии могла длиться пару месяцев. А значит, бывшие семинаристы ещё жили здесь. При этом они могли свободно выходить в город. У них была одежда, и не только церковная, но и «гражданская» — у тех, кто выбрал светскую службу. И самое главное: у всех, кто остался в духовном сословии, уже были паспорта! С «гражданскими» было сложнее — они, скорее всего, ещё оформлялись.

Буримов приоткрыл дверь, бесшумно проскользнул в коридор и начал поочерёдно заглядывать в комнаты.

За третьей дверью нашлось то, что нужно. Четыре аккуратно застеленные кровати. На стене — поношенная, выданная в семинарии ряса, висящая на крючках. А под табуретом — набитый заплочный мешок, из которого торчал край холщового мешочка для документов и денег.

Буримов метнулся к окну, открыл его. Затем, не теряя ни секунды, сорвал с себя верхнюю одежду и натянул рясу. Ткань затрещала по швам на плечах — одежда была безнадежно мала.

«Неужели Мишка всё же решил вернуться в Гимолы?» Он с трудом запихнул свою старую одежду в заплочный мешок. «А это мы сейчас и узнаем».

Буримов схватил со стола мешочек с документами. В комнате было темно, и он едва различал строки в паспорте.

В коридоре слышались шаги и голоса. Не раздумывая, он вскинул на спину мешок, подхватил рясу, задрал её выше колен, и метнулся к окну. Свободной рукой распахнул створки, вскочил на подоконник и мягко спрыгнул на землю, по-прежнему удерживая рясу двумя руками. Аккуратно прикрыл рамы.

Пригнувшись, он добежал до угла дома и мысленно поблагодарил строителей за глухую стену — его не заметят. Прокравшись к забору, он, шипя от боли, перелез через него, стараясь не порвать узкую одежду.

Глава 2. Тайны «черного дневничка»

Утром, подходя к кабинету Собакина, Старший надзиратель предвкушал, как со смехом расскажет о том, как вчера весь вечер конвойная стража ловила беглого арестанта из камеры № 14. Но стоило ему переступить порог, как улыбка сползла с лица. Он замер, растерянно глядя на полный стакан остывшего чая. Обычно к его приходу Собакин выпивал большую часть. Да и холодный чай тот не пил — только кипяток.

Собакин сидел за столом, нервно вертя в руках бланк телеграммы. На листке были наклеены ленточки телеграфной ленты с шестизначными числами, а поверх них карандашом был торопливо написан текст.

— Телеграмму Михаил Иванович самолично разобрал, — погружённый в свои мысли произнёс Собакин. — Курьер прибежал, отдышаться не может... Я уж решил, война началась или государя императора, храни его Бог... Хуже. Приказано этого Чайкина из четырнадцатой камеры не просто освободить, а поселить в лучшей гостинице и охранять, пока чиновник из Санкт-Петербурга не приедет.

— И что с того? — удивился он. — Не мы же его запирали. И платить за постой не придётся. Он в «Палермо» номер на две недели вперёд оплатил. А сам здесь...

Собакин бросил телеграмму на стол и взглянул на подчиненного.

— В городской больнице он. Наш дохтур говорит, не жилец... Ночью драка была в камере. Сидельцы претензии предъявили, что помог сбежать...

— Клюквенику...

— Откуда? — Собакин с подозрением посмотрел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.